

МАРК АРДЕНОВ

ЧУЖКОЙ КАПИТАН

Цикл «Ищущий дом». Книга первая

Марк Арденов

Чужой капитан

«Автор»

2026

Арденов М.

Чужой капитан / М. Арденов — «Автор», 2026

Поехал в отпуск покататься на лыжах во Французских Альпах. И умер в ледниковой трещине. По крайней мере, я так думал, пока не очнулся в собственном теле — целом и помолодевшем. То, как я выжил, оказалось далеко не самой странной частью этой истории. Потому что дальше был космос, чужие миры и слишком много вопросов, на которые мне очень захотелось получить ответы. Ну что ж. Разберёмся по дороге.

© Арденов М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Ледник	5
Глава 2. Девяносто девять и четыре	12
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Марк Арденов

Чужой капитан

Глава 1. Ледник

Ла-Грав, Французские Альпы

За ночь снега навалило знатно, сантиметров тридцать, не меньше. Он лежал везде: на перилах, крышах машин и даже на плечах туристов.

Ради такого пухляка народ и мчится через пол-Европы. Вот и я тоже. Только добираться сюда из Москвы было отдельным квестом. Особенно если учесть, что нужно тащить пару комплектов лыж и остальную снарягу. Это не на пляж сгонять. Кинул в чемодан плавки, шлёпанцы, шорты — и готов.

Оно того стоило. Хотя, конечно, когда эйфория от каталки проходит, заглядываешь в онлайн-банк и понимаешь, что дома какое-то время придётся сидеть на дошираке. И думаешь, а может, лучше пузо погреть в Турции? Олинклюзив, все дела.

А через год снова стоишь в Ла-Граве перед подъёмником. Я пересчитал своих. Пятеро. Все такие же любители целины.

Гриша, Сева, Миша, Лена и Артём. Все на месте. Я шестой и сегодня по совместительству старший. Не гид. Гидами здесь были специально обученные французы с лицензиями и вполне соответствующими расценками.

Я просто знал район лучше остальных и согласился вести группу. Сейчас начинал подозревать, что сделал это зря.

— По одному.

Я переключил свой бипер в режим поиска. Гриша прошёл первым. Сигнал появился почти сразу.

— Дальше.

У остальных тоже лавинные датчики работали исправно. Ко мне шагнул Артём, экран остался пустым. Я взглянул на него. Он на меня. Потом на прибор. Снова на меня.

— Тём.

— Сейчас.

Он полез под куртку.

— Только не говори, что забыл включить.

— Я включал.

— Я верю, так оно и было.

— Макс, реально включал.

— Конечно. Сам, значит, вырубился.

Гриша заржал. Артём вытащил датчик. Тот действительно был выключен.

Парню было двадцать два, катался он прилично. За последний год здорово прибавил и временами уже начинал верить в себя чуть сильнее, чем следовало. Обычная история. Сам через это проходил.

— Включай.

Он включил передатчик. Я проверил сигнал и переключил свой бипер обратно в режим передачи.

— Всё. Больше его не трогай.

— Да понял я.

— Надеюсь.

Гриша хлопнул приятеля по плечу.

— Терпи. Я тебя предупреждал.
Я проверил прогноз ещё раз.

Снегопад стих к утру. Наверху ещё гулял ветер, возле гребней могло надуть свежие доски, поэтому никаких кулуаров и красивых приключений. Нормальная спокойная линия, дистанция, без самодеятельности.

На словах «без самодеятельности» я задержал взгляд на Артёме. Он показал мне большой палец. Я вздохнул и убрал телефон в карман. Наверх канатка ползла долго. Сначала остались внизу деревня и дорога, потом лес, потом вообще всё, напоминающее о присутствии цивилизации.

На Коль-де-Рюийан нас выплюнуло уже в другой мир. Три тысячи двести метров, минус пятнадцать, ветер и Меж напротив. Скала торчала над ледниками, и рядом ты — песчинка во вселенной. Гриша подошёл ко мне и задрал голову.

— Красиво.

— Ага.

— Фотку сделаешь?

— Потом.

— Почему потом?

— Смотри. Сейчас ты достанешь телефон, снимешь перчатку и её унесёт ветром. А кто будет в этом виноват?

— Душный ты какой-то сегодня.

— Не, сегодня я ответственный.

— Это лечится?

— Возможно. Алкоголем, например.

Мы поднялись выше, к Дом-де-ла-Лоз. План был простой: пройти верх по Жироз, вернуться к Рюийан, а оттуда уйти в Валлоны-де-ла-Меж. Никаких кулуаров и дальних вариантов. Экспериментировать после обильного ночного снегопада не хотелось.

На леднике я собрал всех ещё раз. Ветер швырял снежную крупу по насту, но видимость пока была нормальной.

— Идём так: Гриша первым. За ним Сева, Лена, Миша, Артём. Я замыкаю. Пока видимость позволяет, держим дистанцию метров тридцать. За верёвки не лезем. Вообще. Даже если там лежит самый прекрасный нетронутый снег вашей жизни.

Артём посмотрел в сторону белого поля.

— А если там очень прекрасный?

— Сфоткай. Потом полюбишься.

— Жадный ты.

— Зато живой.

Гриша здесь уже катался со мной и линию до Рюийан знал. Поэтому он шёл первым, а я остался сзади, чтобы видеть всю группу. Я ткнул палкой вниз.

— У Рюийан собираемся. Потом уходим вправо, в Валлоны. Если погода начнёт портиться раньше, никаких геройств, спускаемся к станции. Вопросы?

Сева поднял руку.

— Кататься-то уже можно?

— Нет, нельзя. Мы же просто постоять сюда пришли.

Гриша первым толкнулся вниз. За ним ушли Сева, Лена и Миша. Артём махнул мне палкой и поехал следом. Я дождался, пока между нами появятся положенные метры, и пошёл последним. Первые минуты вообще не хотелось ни думать, ни разговаривать.

Перелёты, пересадки, таскание лыжных чехлов через аэропорты — всё ради одного. Свежий снег. Лыжи ныряли в него почти без сопротивления, всплывали в дуге, снег бил в колени,

ветер сразу уносил облако из-под кантов. Гриша впереди заорал что-то радостное. Я, кажется, тоже. В такие моменты человеку много не надо.

Две лыжи и склон. Через несколько минут я заметил облако. Оно висело западнее, за гребнем. Низкое, серое и какое-то слишком резвое. Я остановился. Лена тоже притормозила чуть ниже.

— Что?

— Похоже, что-то надвигается.

Она обернулась.

— Быстро.

— Угу.

Я нажал тангенту.

— Все слышат?

Рации отозвались одна за другой.

— Слышим.

— Есть.

— Да.

— Тут.

— Ага.

Артём ответил последним. Я посмотрел вверх ещё раз. Вершина уже исчезла.

— Сокращаем дистанцию. Следим за тем, кто впереди. Без остановок до Рюйян. Сева, не гони.

— Я вообще образец дисциплины.

— Именно поэтому я тебе и говорю.

Мы двинулись. Сначала пропали дальние горы. Потом склон впереди стал плоским. Ещё через пару минут практически исчезли тени. Я снизил скорость почти вдвое.

В белой мгле без теней и горизонта глаза быстро становятся почти бесполезны. Склон прямо под ногами. А вот где бугор, где яма и какой уклон — понять невозможно.

Мы постепенно сбились плотнее. Красная куртка Артёма мелькала впереди метрах в двадцати пяти. Потом ветер швырнул по склону плотную завесу снежной крупы. На несколько секунд всё исчезло.

Я замедлился ещё сильнее. Когда серое молоко немного разошлось, впереди уже стояли четверо. Артёма не было. Я остановился рядом.

— Где Тёма?

Миша резко обернулся.

— Он же за мной шёл.

— Шёл. Сейчас где?

Миша поднял маску на лоб, будто без неё мог рассмотреть что-то в серой каше.

— Только что был.

Я нажал рацию.

— Артём, приём.

Шипение.

— Тёма, ответь.

Ничего.

— Всем стоять.

Я развернулся и поднялся метров на пятнадцать по нашему следу. Его уже начало замечать.

— Макс! — крикнул Миша.

— Что?

— Здесь!

Я спустился к нему. Миша показывал палкой левее нашего следа. Там виднелись две свежие дуги. Они уходили в сторону, проходили за верёвку и растворялись в молоке. Я посмотрел туда. Потом на Мишу.

— Ты видел, когда он свернул?

— Когда нас зарядом накрыло. Он дёрнул левее. Я думал, бугор обходит.

— За верёвки?

Миша поморщился.

— Похоже.

Я снова нажал тангенту.

— Артём. Если слышишь, стой на месте. Не двигайся. Повторяю: стой на месте и ответь.

Ш-ш-ш-ш. Тишина. Я переключил бипер в поиск. Экран тут же поймал несколько сигналов — свои стояли рядом.

— Все биперы в поиск. Быстро.

Четверо зашуршали куртками. Лишние сигналы один за другим пропали. Я подождал несколько секунд. Пусто. Значит, Артём уже слишком далеко. Или что-то с его датчиком.

— Обратно в передачу.

За верёвками начинался нормальный взрослый Жироз: закрытые снегом трещины и снежные мосты. Могут спокойно пройти пять человек, а шестому не повезёт. Почти у самой границы, метрах в пятнадцати-двадцати от нас, из снега торчал хвост лыжи. Я стиснул челюсть.

— Тёма!

Ветер унёс крик.

Я вытащил телефон. Сети не было. На всякий случай попробовал позвонить. Бесполезно. GPS работал. И на том спасибо.

— Гриш.

— Да.

— Берёшь остальных и вниз, к Рюйян. На станции сразу поднимаете тревогу.

— А ты?

Я показал на лыжу.

— Проверю. Она рядом.

— Макс, может, не стоит? Рискованно.

— Я в курсе.

— Тогда не лезь.

— Только лыжа и ближайший след. Если его рядом нет, возвращаюсь.

Гриша выругался. Я открыл координаты.

— Записывай точку.

Продиктовал цифры и заставил его повторить.

— Как спуститесь, сразу передай спасателям. Скажи: человек за верёвками, возможно, в трещине.

— А если ты тоже...

— Хорошо. Ты, главное, с координатами не накосячь.

Он не улыбнулся.

— Макс...

— Гриш, у тебя четыре человека. У меня один. Не усложняй.

Он сжал губы, кивнул и повернулся к остальным.

— За мной. Медленно. Не растягиваемся.

Я дождался, пока они уйдут вниз. Последним исчез Гриша. Видимость уже метров двадцать, не больше. За спиной ещё торчала верёвка, впереди — лыжа. До неё метров пятнадцать. Спасатели про нас пока даже не знают.

— Тёма!

Ничего.

— Ну ответь ты.

Я застегнул куртку до подбородка и пошёл по следу. До лыжи дошёл быстро. Она почти не провалилась в снег. Крепление целое. Дальше были след от второй лыжи и отпечатки ботинка. Значит, после падения Тёма встал и пошёл дальше. Уже хорошо. Я не стал её трогать.

— Артём!

Что-то было впереди. Голос? Я остановился.

— Тёма!

Ничего. Показалось.

След уходил к перегибу. Недалеко. Метров двадцать.

Я обернулся. Верёвка ещё была видна. Ладно. Только туда и обратно.

Вот так люди обычно и становятся героями новостей. «Опытный лыжник решил пройти ещё двадцать метров». А в комментариях потом куча народа напишет, какой он был идиот. И, возможно, будут правы. Я двинулся дальше.

След стал рваным. В одном месте Артём явно упал — рядом отпечатались ладонь. Потом снова встал на ноги. За перегибом ветер окончательно вылизал поверхность. След исчез.

Я остановился. Достал телефон и посмотрел на карту. От верёвок я отошёл метров на сорок. Может, на пятьдесят. Стоп. Дальше наугад нельзя.

— Артём!

Рация молчала. Я развернулся по собственному следу. Снег под правой лыжей просел. Совсем чуть-чуть. Сантиметра на два. Я замер.

Никаких резких движений. Даже дышать перестал. Медленно перенёс вес назад. Снег хрустнул. Очень тихо. Так обычно хрустит тонкий лёд на луже. Только подо мной была не лужа, а что-то более глубокое.

— Вот же...

Договорить я не успел. Склон исчез. Лыжи провалились первыми. Я только успел вскинуть руки, ударился грудью о край, на секунду повис на нём и даже подумал, что сейчас вылезу. Край обломился.

Дальше мир превратился в бело-синюю мясорубку. Удар. Ещё один. Что-то рвануло правую ногу. Лыжа зацепилась за лёд и не отстегнулась. Потом ещё один удар, и меня выключило.

Очнулся я от холода. Лицо уже начало неметь. Я открыл глаза. Надо мной метрах в десяти или двенадцати светилась узкая серая щель.

Я лежал боком в тесной ледяной кишке. Рюкзак застрял сзади и, похоже, не дал мне провалиться глубже. Несколько секунд я просто дышал. Получалось плохо.

Каждый вдох отдавался болью справа под рёбрами. Ладно. Раз живой, будем выбираться. Я попробовал пошевелиться. Левая рука сразу отозвалась резкой болью.

— Понятно.

Правая работала, и это радовало. С ногами было сложнее.

Пальцы левой стопы шевелились. Правой тоже. Отлично.

Потом попробовал чуть подтянуть правую ногу.

Боли почти не было. Зато шевельнулась кость. Отдельно от ноги.

Я замер. Бедру хана. Голова сильно кружилась. По щеке текло что-то тёплое.

Я провёл пальцами по лбу. Кровь. Хрен с ней. Рация висела на груди. Я нащупал её здоровой рукой.

— Гриша. Приём.

Шипение.

— Гриша, я в трещине. Приём.

Ничего. Я попробовал другой канал. Тоже ничего. Телефон.

Экран треснул, но включился. Сети, как и наверху, не было. GPS тоже не ловил. Бипер работал в режиме передачи. Маленький индикатор продолжал мигать.

— Молодец. Хоть ты не подвёл.

Гриша уже должен был добраться до станции. Если погода там такая же, вертушка вряд ли полезет. Значит, пойдут от станции по леднику. Бипер поможет, когда подойдут достаточно близко. Главное, чтобы успели.

Я посмотрел на ногу, потом на серую щель наверху. Времени у меня было немного. Я попытался устроиться чуть удобнее. Зря. На несколько секунд всё вокруг стало чёрным. Когда отпустило, я уже не пытался двигаться.

Холод постепенно забирался под куртку. Пока терпимо. Через час будет хуже.

Сколько до темноты? Телефон показывал 14:37. Прекрасно. Я закрыл глаза. Нет. Спать нельзя.

— Эй!

Получилось тихо. Я прокашлялся.

— Эй!

На этот раз вышло громче. Сверху ничего. Я заорал ещё несколько раз. Потом понял, что только трачу силы.

Замолчал. Послушал. Ветер. Где-то далеко, очень далеко, будто сквозь толщу воды, что-то гудело.

Канатка? Вертолёт? Показалось?

Я задержал дыхание. Ничего. Через пару минут снова включил рацию.

— Кто-нибудь, приём.

Шипение.

— Сука.

Кот. Кто ж его, бедолагу, кормить будет?

Чё в голову лезет! Я же мохнатого соседке отдал. Не пропадёт. Она, может, и имя ему даст, а то я так и не придумал. Всё мохнатый да мохнатый.

Голос стал хриплым. Холод уже забрался под куртку. Пальцы здоровой руки слушались всё хуже, меня начало мелко трясти. Сломанная нога при каждом движении отзывалась тупой болью. Потом боль начала стихать. Плохой признак.

Холод будто уже так не пробирал. Я знал, чем это пахнет. Если ещё и дрожь начнёт уходить, совсем хреново.

Снова посмотрел наверх. Щель стала темнее. А ведь могу и не выбраться. Ещё сегодня утром я пил кофе в гостинице, ругался на французский интернет и обдумывал, где бы вечером поужинать. Весело. А теперь лежу внутри ледника.

Неплохо день сложился. Я закрыл глаза. Перед ними сразу появился Артём. Интересно, его-то хоть нашли? Если он всё-таки выбрался сам, я его прибую.

Не, сначала обниму. Потом точно убью. Через какое-то время дрожь действительно стала слабее. Теплее не стало. Телефон больше не включился. Нажал на рацию ещё раз.

— Гриш...

Получился шёпот. Я отпустил кнопку. Хватит. Если они рядом, бипер поймает.

Если не рядом... Ну что ж. Бывает. Я прислонился затылком ко льду и закрыл глаза.

Не знаю, сколько прошло времени. Минута. Пять. Может, я вообще отключился. Что-то коснулось лица.

Я открыл глаза. Сначала решил, что свет пробивается сверху. Но голубая полоска появилась прямо передо мной, на ледяной стене. Я моргнул. Полоска осталась.

— О.

Это всё, на что меня хватило. Свет медленно пополз вниз. Как-то слишком ровно. Я наблюдал. Он прошёл по груди, животу, ногам и исчез где-то подо мной.

Через секунду появился снова. Теперь рядом с первой полосой возникла вторая. Потом ещё несколько. Тонкая синяя сетка легла на лёд и на мою куртку. Я попробовал поднять руку.

Не получилось. Пальцы тоже не двигались. Зато боль отступила. Пропала полностью. Ещё секунду назад нога дико ныла, хотелось её открутить и выбросить. Теперь остался только холод.

— Так.

Голос прозвучал почти нормально.

— Либо меня нашли, либо начались галлюцинации.

Голубая линия прошла по лицу. В глазах вспыхнули точки. Я зажмурился. Свет всё равно остался. Следом пришёл низкий, почти неслышный звук. Он ощущался скорее зубами, чем ушами.

Где-то совсем рядом заработал механизм. На вертолёт не похоже. На лебёдку тоже.

Я попробовал повернуть голову. Не получилось. Гул стал сильнее. И тут лёд перед моим лицом дрогнул.

Не треснул. Не осыпался. Просто поплыл в стороны. Я уставился в открывшийся передо мной тёмный проход.

— Чё за...

Договорить не успел. Стало темно.

Глава 2. Девяносто девять и четыре

Звук. Это первое, что я услышал. Равномерный низкий гул, похожий на работу трансформатора. Потом капли. Ровно, одна за другой. Кап-кап-кап.

Ощущаю дыхание. Только сам вроде не дышу. Что-то тёплое, плотное и немного сладковатое заполняет лёгкие и само движется внутри.

Пробую открыть глаза. Не могу. На лице что-то липкое. Ещё раз... получилось.

Яркий свет, но глаза почему-то не режет. Надо мной изгибается прозрачная крышка. Моргаю. Саркофаг. Вспоминается Белоснежка. Только принца мне сейчас не хватало.

Я почти целиком в какой-то густой жидкости. Уровень медленно опускается. Похоже на гель. Видимо, он и не давал открыть глаза, и заполнял лёгкие. Я дёрнулся, но тело отозвалось с запозданием. В тот же момент где-то под спиной загудело сильнее, и гель за пару секунд ушёл вниз, оставив меня голым на мягкой и тёплой поверхности.

Меня тут же скрутило кашлем. Перевернувшись на бок и выплюнув эту сладковатую дрянь, я с жадностью втянул нормальный воздух. Запах озона и свежескошенной травы. Пахнет как в раю. Только рай какой-то странный: вместо туннеля и прекрасных дев — капсула с гелем.

Прозрачная крышка бесшумно ушла вверх.

Я ещё немного полежал, откашливаясь. Всплыло последнее, что я помнил. Трещина. Падение. Боль в ноге.

Я посмотрел на правую ногу. Она лежала абсолютно ровно. Нога как нога.

Я приподнялся и сел. Ощупал бедро обеими руками. Целое. Провёл ладонью ниже, потом выше. Согнул колено. Выпрямил. Ещё раз.

Ни намёка на перелом.

— Так, — сказал я. Голос прозвучал хрипло.

Осторожно пошевелил левой рукой. С ней тоже всё было в порядке. Локоть сгибался и разгибался. Запястье работало. Пальцы послушно реагировали.

С остальным, похоже, тоже всё в порядке. Рёбра не болят. Голова не гудит. И вообще чувствовал я себя подозрительно хорошо. На всякий случай ущипнул себя. Похоже, жив. Ущипнул сильнее.

— Ай.

Я выбрался из странной ванны и встал. На ногах стоял нормально. Осмотрел себя внимательнее.

Офигеть. Дракона не было. Провёл ладонью по плечу. Пусто.

— Да ладно. Я за него восемь тысяч отдал.

На всякий случай потёр кожу. Не помогло. Что ещё они там подправили?

Я машинально провёл языком по зубам и замер. Всё гладкое. Все зубы на месте. Одного ещё четыре дня назад точно не было. Я перед поездкой как раз узнавал у стоматолога насчёт импланта. Дракона жалко. Но за зубы ладно, прощаю.

— Эй! Есть здесь кто-нибудь?

Тишина. Я огляделся.

Комната небольшая, овальная. Метров пять на шесть. Белые гладкие стены, ни швов, ни стыков. Мягкий свет шёл отовсюду: от стен, потолка, даже от пола. Кроме капсулы, здесь ничего не было. Она словно росла прямо из пола.

Слева в стене обнаружилась ниша. В ней лежали мои вещи. Я подошёл. Куртка разрезана от подола до воротника и аккуратно сложена. Рядом лежали штаны, термуха, носки, шлем с глубокой царapiной, маска с треснувшим визором и мой смартфон с экраном-паутиной. У стены стояли обе лыжи.

Потом увидел ботинки. Оба были разрезаны вдоль почти до носка и раскрыты на две половины. Я посмотрел на правую ногу. Представлять, зачем их пришлось резать именно так, не хотелось.

Рядом лежал бипер. Зелёный индикатор мигал.

Я здесь.

Я здесь.

Я здесь.

Я уже хотел взять бипер, когда заметил возле телефона ещё несколько предметов. Титановая пластина и шесть винтов. Пластину я узнал сразу. Мне её поставили в двадцать восемь после одного очень удачного спуска. Я ощупал ключицу. Ни шрама, ни привычного бугорка под кожей. Кость ровная.

— Так кого мне благодарить? — спросил я потолок.

— Оставайтесь с нами.

Я подпрыгнул. Голос шёл сразу со всех сторон. Мужской, низкий. Дикция такая, будто сейчас объявят программу передач. Я ещё раз оглядел комнату. Никого.

— Кто здесь?

— Не переключайтесь.

Я медленно поднял голову.

— Чего?

Пауза.

— Прошу прощения. Продолжается калибровка речевого модуля.

— А-а.

Я оглядел стены. Никаких динамиков.

— Пожалуйста, говорите ещё.

— С удовольствием. С кем я разговариваю?

— Запрос не распознан.

— Голос. Тот, кто сейчас со мной разговаривает. С кем я разговариваю?

Короткая пауза.

— Я являюсь управляющей системой данного средства.

— Уже понятнее.

Я потёр лицо.

— Ты не человек?

— Нет.

— Ладно. А что ты за система?

— Формулировка ответа требует терминов, которых пока нет в нашей общей языковой модели.

— Ладно, давай проще. Ты меня видишь?

— Да.

Я снова огляделся.

— А смотреть мне куда? Тебя вообще можно увидеть?

Пауза. На стене напротив появилась тонкая светящаяся окружность на уровне глаз. Внутри круга медленно переливались бледно-жёлтые и голубые оттенки, сходясь к центру и снова расходясь по краям, будто под поверхностью двигалась жидкость.

— Это что?

— Ориентир для взгляда. Для вашего удобства. Некоторые члены экипажа тоже предпочитали такой способ общения.

— Какие члены, какого экипажа?

Круг не изменился.

— Те, для кого изготовлено это средство.

— Какое ещё средство?

— То, внутри которого вы находитесь.

— Погоди. Я сейчас где?

— Здесь.

Я закрыл глаза.

— Ещё раз.

— Прошу прощения.

Когда голос продолжил, интонация уже была нормальнее.

— Вы находитесь в медицинском отсеке экспедиционно-десантного средства.

— Десантного чего?

— Бота.

— А.

Инопланетный десантный бот под французским ледником. Действительно. Чего я туплю.

— А чей этот бот?

— Приписан к исследовательскому судну дальнего поиска.

— А судно где?

— В этой звёздной системе.

Я потёр переносицу. Потом ещё раз.

— Хорошо. Скажи мне только очень медленно. Я всё ещё на Земле?

— Да.

— Под ледником Жироз?

— Да.

— Где именно?

— В скальном массиве под западной частью ледника. Глубина от поверхности в текущей точке — двести сорок четыре метра.

Я посмотрел себе под ноги. Пол был тёплый.

— Двести метров камня.

— Приблизительно.

Я прошёл три шага, развернулся и вернулся обратно.

— Давно ты здесь?

— Тринадцать тысяч четыреста лет и одиннадцать месяцев по принятому вами календарному счёту.

Я остановился.

— Повтори.

Он повторил. Я сел на край капсулы. Всё. Перебор. Тринадцать тысяч лет нормально звучит в документалке, когда их произносит какой-нибудь серьёзный мужик. С голой задницей на краю инопланетной капсулы цифра воспринималась хуже.

— Ты уверен?

— Да.

— Без вариантов?

— Допустимая погрешность измерения времени значительно меньше одной секунды.

— Вопрос снят.

Я сцепил пальцы и хрустнул костяшками.

— Это ты меня спас?

— Да. Благодаря медицинскому комплексу.

— Спасибо. А как ты меня вообще нашёл? И сюда как притащил?

Голос ответил не сразу.

— Тридцать один час назад мои сейсмические системы зафиксировали обрушение на леднике.

— Тридцать один?

Я посмотрел на смартфон. Экран был мёртв.

— Я здесь больше суток?

— Да.

— Артём.

— Не понял.

Я вскочил и вцепился в край капсулы.

— Парень, двадцать два года. Красная куртка. Я его искал перед тем, как провалился.

Ты его видел?

— Мне требуется дополнительная информация.

— Какая нужна? Он где-то рядом должен был быть.

— Ваше описание соответствует нескольким людям в зоне наблюдения за последние сутки.

— Нескольким?

— Да. Требуется уточнение.

— Ты спасателей слышишь?

— Да.

— Тогда проверь по их сообщениям. Он ушёл в сторону Жироза.

— Обнаружено совпадение. Мужчина двадцати двух лет, гражданин Российской Федерации. Эвакуирован вчера вечером. Переохлаждение средней степени, перелом ключицы. Состояние оценивалось как стабильное.

Пальцы всё ещё стискивали край капсулы. Я разжал их.

— Стабильное состояние. Значит, живой?

— Да.

— Точно?

— На момент последнего доступного сообщения.

— Слава богу. Живой.

Я сел. Секунд десять просто смотрел в пол. Ключица. Переохлаждение. Ерунда. Будет потом девчонкам рассказывать, как героически выжил во французских Альпах.

Я поднял голову.

— А меня ищут?

Пауза.

— Искали.

— Почему «искали»?

— Сегодня утром операция по спасению Максима Гранева, тридцати четырёх лет, была переведена в режим поиска тела. Затем работы приостановили из-за погодных условий.

Я кивнул.

— Понятно.

Гриша сейчас сидит в гостинице или у спасателей и прокручивает в голове, в какой момент ему надо было остановить меня. Миша начнёт звонить. Только кому? Разве что соседке. Мохнатый сейчас у неё. Я представил его вечером у двери. Сидит и ждёт, когда я приду домой.

— Мой бипер работал.

— Да.

— Тогда почему спасатели его не засекли?

— Я извлёк вас раньше.

— А сигнал?

— После извлечения был подавлен.

Я посмотрел на зелёный огонёк.

— Ты его заглушил?

— Да.

— То есть сам бипер всё это время работал?

— Да. Отключить его без вашего согласия я не имел права.

— Почему?

— На вас распространяется аварийная защита, предусмотренная для членов экипажа. Она не позволяет мне без необходимости вмешиваться в личное имущество разумного. Исключение — спасение жизни.

Я перевёл взгляд на разрезанную куртку. Потом на ботинки.

— Но одежду кромсать можно.

— Медицинская необходимость.

— Стоп. Какие ещё права экипажа?

— В аварийной ситуации на вас распространяется часть прав, предусмотренных для членов экипажа.

— погоди. Я-то каким боком к вашему экипажу?

— Вы не входите в состав экспедиции.

— И я о том же. Тогда откуда у меня его права?

— При вашей идентификации возникло несоответствие.

— Какое?

— В классификации моего распознавателя.

— Тогда объясни нормально.

Он опять замолчал.

— Сканирование показало, что ваше ядро идентичности на девяносто девять целых четыре десятых процента совпадает с профилем членов экипажа.

— Давай без непонятных терминов.

— Ядро идентичности представляет собой набор устойчивых биологических маркеров.

— Генетических?

— В основном.

— И?

— По ним системы определяют, к какой категории относится обнаруженный организм. Совпадение выше установленного порога означает, что для системы вы относитесь к той же биологической группе, что и члены экипажа.

Я посмотрел на собеседника. Точнее, на круг.

— Проще говоря, я для вас свой?

— По биологическому классификатору — да. Но это не делает вас членом экспедиции.

— Далась мне ваша экспедиция. Ты лучше скажи, система не могла ошибиться? Глюк какой-нибудь?

— Первоначально я классифицировал результат как ошибочный.

— Ты тоже?

— Выполнил повторное сканирование. Затем проверил оборудование по внутреннему эталону.

— И?

— Девяносто девять целых четыре десятых.

Я потёр затылок.

— А у нормальных людей сколько?

— Я не понимаю критерий «нормальный».

— У обычных. У остальных людей.

— По имеющимся наблюдениям, от девяноста семи целых шести десятых до девяноста восьми целых четырёх десятых.

— Ты и других людей проверял?

— Да.

— Много?

— Да.

— Зачем?

— Несчастные случаи в зоне наблюдения. Лавины, падения, замерзание, травмы. Я обязан оценивать такие события, чтобы определить, нет ли среди пострадавших кого-то, соответствующего биологическому профилю экипажа.

— И среди них были те, кого ещё можно было спасти?

— Да.

— Сколько?

— Тысяча девятьсот два.

Я несколько секунд смотрел на круг.

— Ты их спасал?

— Нет.

Я встал.

— Почему?

— Вмешательство в местную биосферу было запрещено.

— А со мной, значит, можно.

— Вы прошли порог распознавания и были отнесены системой к той же биологической группе, что и экипаж. Поэтому на вас распространяется аварийная защита. Спасение жизни имеет высший приоритет.

Я смотрел на круг. Цвета внутри всё так же спокойно перетекали один в другой. Представил пастуха, который провалился сюда задолго до канаток и спасательных вертолётков. Этот бот лежал подо льдом, видел, как человек умирает, и ничего не делал.

— Тысяча девятьсот два, — повторил я.

— Да.

— И ты просто смотрел?

— Я не имел права нарушить запрет на вмешательство.

Я отвернулся. В нише всё ещё мигал бипер.

Я здесь.

Я здесь.

— Тебя это вообще никак не...

Я замолчал.

— То есть по этим маркерам я ближе к экипажу, чем остальные люди?

— Да.

— А с такими же показателями ещё кто-нибудь попадался?

— Нет. Среди наблюдавшихся людей вы единственный. Поэтому результат был признан аномальным.

— Ты так и не рассказал, как вытащил меня из трещины.

— После идентификации я открыл сервисный канал к месту падения и направил поисково-спасательный аппарат. Он провёл первичную стабилизацию, зафиксировал вас и доставил сюда. После этого канал был закрыт и снова замаскирован.

Я посмотрел себе под ноги.

— То есть пока спасатели искали меня сверху, ты протаскивал меня куда-то вниз через скалу.

— Через сервисный канал.

— Тёмный проход помню. Думал, уже глючу.

— Слушай, а что вы со мной ещё сделали? Нога и зубы — понятно. Но откуда столько сил? Я себя подозрительно хорошо чувствую.

— Стимулирующие препараты не применялись. При восстановлении устранены накопленные повреждения, воспалительные изменения и ряд возрастных отклонений.

— Возрастных отклонений?

— Ваш организм восстановлен до состояния, которое для него является оптимальным. По вашим меркам сейчас ваше тело соответствует возрасту примерно двадцати двух — двадцати пяти лет.

Я замер и несколько секунд смотрел на круг. Потом провёл ладонью по лицу.

— погоди. То есть вы мне ещё и лет на десять счётчик смотали?

— Корректнее будет сказать...

— Не надо. Я всё понял.

Я хрустнул пальцами.

— Ты сказал, бот принадлежит исследовательскому кораблю.

— Да.

— Экипаж прилетел на нём?

— Да.

— И где они?

Голос ответил не сразу.

— Не знаю.

— Как это?

— После прибытия одиннадцать членов экспедиции покинули бот и начали наземную операцию. К контрольному сроку они не вернулись. Ни тел, ни сигналов обнаружить не удалось.

— А остальные?

— Четыре члена экипажа оставались здесь. После безрезультатных поисков беспилотниками они решили выйти на поверхность сами.

— И?

— Тоже не вернулись.

Я оглядел комнату. Пусто. Только капсула, мои вещи и круг на стене.

— Пятнадцать человек исчезли?

— Если использовать ваше слово «человек», да.

— Остался только ты?

— Да. Я должен ждать возвращения экипажа либо команды того, кто обладает необходимыми полномочиями.

Я немного помолчал.

— А с кораблём связь есть?

— В настоящий момент — нет.

— Совсем?

— Я могу установить связь после выхода из текущего укрытия и при подходящих условиях. Последний прямой обмен с судном состоялся до начала наземной операции.

— То есть ты тринадцать тысяч лет даже не знаешь, на месте он или нет?

— Согласно последнему полученному подтверждению, судно находилось в назначенной точке ожидания.

— Тринадцать тысяч лет назад.

— Да.

— Очень свежая информация. А на корабле тоже есть такой, как ты?

— Нет.

Я остановился.

— Нет?

— На судне действует интеллект другого класса. Он значительно превосходит меня по ресурсам и полномочиям.

— Угу. Если по-простому, такой же, как ты, только умнее. Так?

— Не так. Формулировка «умнее» некорректна.

— Ты сказал, что он интеллект другого класса. Значит, ты тоже интеллект?

— Да.

— Наконец-то. Сразу бы сказал, что ты ИИ. У нас ими уже никого не удивишь. GPT, Алиса...

— Если сильно упростить, «ИИ» — наиболее близкий земной термин, хотя он и не описывает меня полностью.

— Ничего страшного. Главное, понятно: ты искусственный разум, а не говорящая медуза.

— А где корабль припарковали?

— В районе четвёртой планеты системы.

— Четвёртая... Меркурий, Венера, Земля... Марс?

— Да.

— Там висит звездолёт.

— Да.

— Он на орбите?

— Не в обычном смысле. Судно удерживает назначенную область ожидания в районе Марса.

— Мы Марс спутниками обвешали, марсоходы там катаются. Как его до сих пор не засекли?

— Режим ожидания пассивный. Заметность минимальна.

Я покосился на разрезанные ботинки.

— Значит, ты сидишь под ледником, корабль прячется у Марса, а весь экипаж пропал здесь.

— Упрощённо, но верно.

В нише что-то тихо щёлкнуло. Из стены выдвинулась полка со стопкой тёмно-серой одежды. Я подошёл к полке.

— Отлично. А то я всё ещё голышом.

Ткань оказалась тонкой, мягкой и при этом тёплой. Штаны — что-то среднее между спортивными и термобельём. Футболка без швов. Носков не было.

— Обувь?

— Изготавливается.

— Хорошо, не горит.

Я натянул штаны. Они сами чуть подтянулись по ногам и сели идеально.

— Они сейчас что сделали?

— Подогнали размер.

Футболка повела себя так же. Через минуту я чувствовал себя гораздо приличнее.

— Что дальше?

— Это должны решить вы.

— Я? И какие у меня варианты?

— Вы можете покинуть бот.

— Покинуть? Мы вообще-то под двумястами метрами камня.

— Я могу доставить вас в безопасную точку рядом с населённой зоной.

— Вот это уже вариант. И ты просто меня отпустишь?

— Да.

— А секретность? Я же буду помнить и про тебя, и про корабль.

— Я обязан скрывать бот. Но вы классифицированы иначе, чем местное население. Ограничивать вашу свободу без основания я не имею права.

— А если я выйду и притащу сюда учёных, журналистов и заодно французскую армию?

— Меня здесь уже не будет.

— В смысле, сменишь точку ожидания?

— Да.

— И всё это время ты мог отсюда уйти?

— При угрозе обнаружения я могу сменить укрытие. Приказ ждать экипаж при этом сохраняет силу.

Как он собирается незаметно выбираться из-под двухсот метров скалы, я решил пока не спрашивать.

— Допустим, возвращаюсь. И что я скажу?

— Это уже вам решать.

— Спасибо. Очень помог.

Я представил, как захожу в отель. Здравствуйте. Не узнали? Это я, немного помолодел. Процедуры проходил. Там внизу спа-капсула: кости сращивает, зубы выращивает, в качестве бонуса лет десять скидывает.

Отличная история. Главное, убедительная.

— А вариант, после которого меня сразу не повезут к психиатру, есть?

— Да.

— Рассказывай.

— Удалить воспоминания о контакте.

Я уставился на круг.

— Мои?

— Да.

— Ты умеешь стирать память?

— Корректировать.

— «Корректировать» звучит приличнее. А по факту всё равно в мозгах ковыряться будешь.

— Процедура возможна только с вашего согласия.

Я потёр лоб.

— И что сотрёшь, если я решусь?

— Только выбранный период и связанные с ним воспоминания. Воспоминания о событиях после падения можно удалить достаточно чисто.

— Ага. Потом очнусь где-нибудь возле дороги, молодой, здоровый и без дракона.

— Упрощённо, но да.

Я прошёл к нише и взял телефон. На экране появилось моё лицо.

Да уж. Лет десять точно скинули. Пиво мне без паспорта, думаю, продадут.

А людям что говорить?

— А ты можешь как-то... ну всё обратно вернуть?

— Что именно?

— Возраст. Чтобы выглядел как раньше.

Кин помолчал.

— Технически часть изменений обратима. Но намеренно наносить здоровому организму повреждения без медицинских показаний запрещено регламентом.

— Ты не ИИ. Ты инструкция на ножках.

Я посмотрел на круг.

— Хотя ножек у тебя тоже нет.

— И что мне теперь делать? Вернуться с памятью — куча вопросов. Стереть её — тоже вариант так себе.

— Решать вам. Но есть ещё один вариант.

— Выкладывай.

— Результат вашей идентификации и отсутствие штатного командования позволяют начать аварийную капитанскую аттестацию.

Я несколько секунд смотрел на круг.

— погоди. Ты предлагаешь мне стать капитаном корабля у Марса?

— Предлагаю пройти аттестацию. В случае успешного прохождения вы сможете получить аварийные капитанские полномочия.

— Я даже вашего языка не знаю.

— Это устранимо.

— А кораблём я как командовать буду? Я понятия не имею, где у вас что находится, как оно работает и на какие кнопки нажимать. Если там вообще есть кнопки.

— Капитан не управляет судном вручную.

— Уже легче. А что тогда делает капитан?

— Определяет цели, выбирает между допустимыми вариантами и несёт ответственность за последствия.

— То есть корабль летит сам, а я говорю, куда и зачем?

— Упрощённо, но верно.

Я почесал затылок.

— Допустим, каким-то чудом я стал капитаном. Дальше что?

— Уточните.

— Ну вот есть у меня звездолёт. И что с ним делать? Сидеть у Марса и любоваться пейзажем?

— Это будете определять вы.

— Можно попробовать выяснить, что случилось с вашей экспедицией?

— Да.

— А до ваших добраться можно? Передать им твои данные и рассказать, что экспедиция пропала на Земле?

— Да.

— А можно вообще вернуться на Землю и забыть про корабль?

— Да.

Я остановился. Я посмотрел на зелёный огонёк бипера. Потом на круг.

— Похоже, этот вариант пока самый подходящий. Что за аттестация?

— Проверка вашей способности принимать решения при недостатке информации и отвечать за последствия.

— Меня опять в саркофаг запихнут или на этот раз обойдётся?

— Аттестация проводится в симуляции. Медицинская капсула потребуется для подготовки.

— Подготовка к чему?

— Сначала необходимо выучить язык.

— Сколько займёт?

— Вся подготовка — ориентировочно трое суток.

— погоди. За три дня я должен выучить ваш язык и научиться командовать звездолётом?

— Нет.

— Уже хорошо. А что тогда?

— Язык, базовый корпус знаний и аварийная капитанская аттестация. Профессиональные навыки таким способом получить невозможно.

— И без операций на мозге?

— Хирургического вмешательства не требуется. Подготовка проводится под медицинским контролем.

Я пару раз прошёлся от капсулы до стены и обратно.

— Один вопрос.

— Слушаю.

— Эти девяносто девять и четыре.

— Да.

— Ты правда не знаешь, почему у меня показатели выше, чем у остальных людей?

— Нет.

— Корабельный интеллект?

— Возможно, располагает дополнительными данными.

— Возможно.

— Да.

— Люблю точность.

— Ещё вопрос.

— Слушаю.

— Зачем тебе это?

— Уточните.

— Капитанство. Аттестация. Ты сам мне это предложил. Зачем?

— Потому что обязан был сообщить вам о такой возможности.

— И всё?

— Да.

— То есть тебе без разницы, соглашусь я или уйду?

— Это ваше решение.

— С этим понятно.

Я немного помолчал.

— Слушай, у тебя имя есть?

— Да.

— Какое?

Он произнёс. Ну вот зачем я спросил. Сначала что-то длинное, скользящее, потом щелчок, потом звук, который мой язык, по-моему, вообще не умел производить.

— Повтори.

Он повторил. Понятнее не стало.

— Всё, хватит. Я только представил, как это произнести, и гортань уже заныла.

— После обучения произношение станет доступнее.

— Не уверен.

Я задумался. Искусственный интеллект. Искин. Кин.

— Будешь Кин.

— Уточните.

— Искин. Кин. Коротко и удобно. И гортань целее.

— Регистрирую сокращённое обращение «Кин».

— Возражения есть?

— Нет.

— Кин.

— Да?

Работает.

— Ладно, Кин. Давай свой язык.

Я посмотрел на босые ноги.

— И обувь принеси. А то капитан из меня пока какой-то босоногий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.